

Парижанин

Ах, если бы только я умела хорошо рисовать, я бы вам его нарисовала. Но, к сожалению, я не заканчивала художественной школы. Я могла бы спеть вам про него песню, но пою я так себе. Поэтому все, что я могу сделать, это написать о нем.

Я села в метро на Porte de Clignancourt. Телефон у меня сел – не почитать, плеер тоже сел – музыку тоже не послушать. А ехать нужно было долго – через весь город до Corentin Celton. И от нечего делать я стала рассматривать других пассажиров. Ничего интересного. На Marcadet-Poissonniers я пересела на другую линию и снова принялась обводить всех взглядом. Ничего. Но на следующей станции зашел удивительный мужчина. Он сел напротив меня. Я рассеянно смотрела по сторонам, казалось, что мой взгляд скользил по вагону совершенно бесцельно. Но это было не так – на самом деле, я незаметно старалась как можно лучше рассмотреть этого мужчину, запомнить все-все мелочи. Но весь его образ был настолько ярким, что я поняла, что не смогу запомнить всего, что обязательно что-то упусти. Тогда я достала блокнот и ручку и стала аккуратно записывать все детали. В конце концов, мало ли что я там пишу! Никому нет до этого дела, а если и есть – то все равно, кто поймет мои каракули, к тому же написанные на русском?

На ногах у него красовались коричневые кожаные кеды на белой подошве с бежевыми вставками и малиновыми шнурками. Темно-зеленые брюки с хорошо отглаженными стрелками. Пиджак леопардового цвета. Я не знаю, что это была за ткань. Чем-то похожа на флис, очень мягкая. Пиджак застегнут на одну единственную черную пуговицу. Слева на груди карман, из которого довольно небрежно торчит сиренево-розовый платок. Кажется, что этот платок может выпасть в любую минуту, но этого не произойдет – за карман пиджака закреплена ручка и клип ручки придерживает платок. Еще выше, над карманом и над платком, почти на плече красуется брошь – цветок из фиолетовой ткани, по форме напоминающий раскрывшуюся розу. Из-под пиджака торчат вельветовые темно-зеленые манжеты рубашки. Под цвет брюк. Но, видимо, поверх рубашки надета кофта – на груди из-под пиджака видна ее фланелевая ткань охрового цвета. У нее V-образный вырез, отстроченный черными нитками. Шея обмотана ярко-розовым шарфом, он завязан, и его концы заправлены под кофту. Поверх платка надет кулон из темно-коричневого дерева. Звенья деревянной цепочки напоминают арбузные косточки, а сам кулон – словно плод каштана.

Я смотрю на его лицо. У него очень темная кожа, практически черная. Аккуратная бородка. Именно бородка, а не борода, в которой изредка встречаются седые волоски. Сколько же ему лет? Пятьдесят, чуть меньше, чуть

больше? Я не знаю. И я не увижу его глаз – на нем пластиковые солнечные очки-авиаторы с темно-коричневыми стеклами, оправой леопардового цвета и золотыми дужками. В ушах у него сережки – золотые колечки. На голове фиолетовая фетровая шляпа с леопардовой лентой.

Я опускаю взгляд на его руки. Все пальцы в золотых кольцах. На правой руке серебряные часы, на левой – несколько переплетенных между собой серебряных цепочек. И всю дорогу у него в руках была какая-то синяя прямоугольная бумажка, которую он все время нервно теребил, но так и не порвал.

Он вышел на Concorde. Это был вечер пятницы, около половины восьмого. Куда же он ехал? Мост Согласия? Нет, это вряд ли. Площадь Согласия со своим знаменитым египетским обелиском? Может, он назначил встречу около него. Кто знает. А, может, он просто пересел на другую линию и поехал дальше.

Как же все-таки жаль, что я не могу нарисовать его. Мне бы хотелось. Не так-то просто представить все то, что я написала. Слишком много слов. Но вы постарайтесь. В московском метро тоже можно увидеть много всего интересного, но таких мужчин я там никогда не встречала. На секунду мне показалось, что я его придумала. Но нет, это было на самом деле. Наверное, он играет на саксофоне. И когда в небольшом баре, где он выступает по вечерам, становится очень жарко, он вытаскивает свой сиренево-розовый платок из кармана и аккуратно прикладывает его ко лбу.